

О ВОДЕВИЛЕ ЗНАЛИ ВСЕ

ДАРЬЯ НАЛМЫНОВА
Тульская область,
Новомосновск

О Водевиле знали все, но каждый отказывался в него верить. Ив тоже не верил.

Ив решил. Дождавшись, пока все в доме уснули, выскользнул он за дверь. Моросью плюнула в лицо ехидная ночь. Еще не поздно не пойти. Все равно не поможет. Наутро хватятся Ива: «Где Ив?» А где? Ив замер, уставившись на расплывающийся в темноте, похожий на большое спящее животное дом. Вдалеке, изливая душу луне, уныло и нежно завывала собака. Нет. Надо идти. Ради Мари, ради мамы – это их последняя надежда. Не самая темная ночь из августовских ночей. Дойдет как-нибудь, тем более дорогу он знает. Едва слышно треснула лучина. Ив снял с ноги сабо, вытряхнул мелкие камешки, глубоко втянул носом воздух и быстро, насколько можно быстро идти в полутьме, направился в сторону кладбища.

Вязкий сумрак обнимал надгробные камни, щекотал деревья. Где-то загоготала сова, или филин, или еще какая-то птица, Ив в них не разбирался. Хрустнула ветка. Прохладно. Что-то схватило за рукав, Ив чуть не заорал. Оказалось, дуб. Тихо и темно, очень темно. Если Портефекс наврал, то завтра, после встречи с Ивом, он лишится новенького, недавно выросшего зуба. Как Ив мог ему поверить? Уж слишком живо тот говорил. Да и после падения Портефекса с ветки дерева еще два дня назад безвольно висевшая рука и правда теперь

двигалась так же быстро и свободно, как до этого. Волк! Поджавший хвост пес выскочил из глубины кладбища и, не взглянув на Ива, потрусил своей дорогой. Ив сглотнул, оглянулся на призрачную в ночи деревню. Холодно и, если честно, страшно. Ив вздохнул и двинулся дальше.

Музыка становилась то тише, то громче. Спокойная и гордая, печальная и радостная одновременно, обволакивала она пространство, глубоко проникая в воздух и застревая в нем. Портефекс не обманул. Теперь звук только нарастал. Ива мучило. Он поднял с земли длинную палку. Казалось, неизвестный инструмент играет прямо над ухом. Вдруг музыка прекратилась. Потянул ветер, сплошь пропахший сырой древесиной.

– Я Ив. – Слова склеивались в пересохшем горле. – И я не боюсь тебя! – Расслабившиеся и больше неуправляемые пальцы разжались и выпустили палку из рук.

Водевиль, не моргая, смотрел на Ива большими телячьими глазами. Сколько скота он погубил. Интересно, а Водевиль отличает людей от баранов?

– Я не боюсь, – повторил Ив менее уверенно. – И я... Вот. – Ив показал Водевилью скрещенные пальцы. – Но я хотел лишь попросить. Мне нужно лекарство для Мари, – неожиданно выпалил Ив и смолк, шарахнувшись от собственного голоса. Водевиль моргнул.

В очередную тревожную ночь Ив прислушивался к свистящему дыханию Мари. Внезапно зазвучала музыка. Ив решил, что ему показалось, но мелодия не утихала. Ив тихонько встал, открыл дверь. На пороге лежал пучок дурно пахнувшей травы. Ив схватил его и прямо босиком понесся к бабке Саре. Старуха, как ни странно, знала, что это за трава.

– Пожалуйста. Ты же вылечил Портефексу руку.

Ив ждал долго. Водевиль молчал и не двигался. Ив развернулся и побежал домой.

Мари становилось все хуже и хуже. Сухая, горячая, она не могла заснуть долгими вечерами. Снадобья бабки Сары давно не помогали. В очередную тревожную ночь Ив прислушивался к свистящему дыханию Мари. Внезапно зазвучала музыка. Ив решил, что ему показалось, но мелодия не утихала. Ив тихонько встал, открыл дверь. На пороге лежал пучок дурно пахнувшей травы. Ив схватил его и прямо босиком понесся к бабке Саре. Старуха, как ни странно, знала, что это за трава.

Всю ночь поднывал полусосенный дождик. Утром стоял туман. Силуэты темными привидениями появлялись из него, делали шаг и снова растворялись. В деревню вошли люди. Повевало городом и холдом. Люди останавливались в еще не остывших после лета домиках. «Вестники войны собирают силу», – вздыхая, говорила бабка Сара. В дом Ива и Мари никто не постучал. Их отец в первый день появления людей не появлялся на улице. Сегодня же вышел. Спокойный, суровый и чужой, велел «болвану Иву» с самого ранья пасти овец. Вновь

веселая и румяная, будто пламя лучины, Мари собиралась идти с Ивом, но никак не могла найти куда-то подевавшийся новенький фартучек.

– Волк ли, драный ли Водевиль, но какая-то тварь опять прирезала нашу овцу! – донесся с улицы знакомый голос.

Ив выглянул в приоткрытую дверь. Отец говорил с высоким, красивым человеком – одним из тех, кто пришел в деревню вчера.

Человек, похлопав висевшее за спиной ружье, что-то негромко ответил отцу.

– Да помогут вам небеса! – с жаром воскликнул отец.

Дозревал последний летний вечер. Ив и Мари тихонько пробрались к загону, выпустили овец и погнали их на поляну. В носу стоял густой запах овечьей шерсти, облака-овечки застыли над поляной.

– Слышал? – резко спросила Мари.

– Охотники по зайцам стреляют, – фыркнул Ив.

– Нет же! Это не в лесу, а там, за холмом. И дочка... Играла и вдруг перестала.

Путь домой лежал через холм. Ив и Мари пересчитали овец и отправились домой раньше, чем планировали возвращаться. Небольшой холм весь порос пустоцветом да колючками, постоянно цепляющими Мари за фартучек.

– Смотри! – ахнула Мари.

– Вижу, – проворчал Ив.

В сторону деревни стремительно удалялась темная фигура человека.

– Я про него! – Мари указала пальчиком на заросли ближайших колючек.

В колючках валялся раненый Водевиль. Водевиль умирал. Он сильно похудел с той ночи, когда Ив увидел его первый раз. Мари сняла фартучек. Вместе с Ивом они осторожно, как могли, забинтовали рану. Ив подумал и оставил рядом с Водевилем одну овцу.

«Где овца?.. Где?!» Кажется, Ива ударили, заплакала Мари.

Человек с ружьем возник ниоткуда: «Ее унес волк, которого я тут же подстрелил». Ива отпустили. Он брел в сторону поляны, когда жесткая рука ухватила его за плечо. Ив обернулся. Человек с ружьем давил его взглядом.

– Нельзя так. Волка-то я подстрелил, да не до конца. Ты отведешь меня к нему, иначе деревня узнает о нечистом звере, с которым вы завели дружбу.

– Кто вы? – спросил Ив, ощущая, как страх скручивает желудок.

- Верный сын Франции и охотник на подобных зверей. Пойми, мальчик, он по-настоящему опасен.
- Вам никто не поверит.
- Я смогу доказать.

В голове дергались, задевая друг друга, маленькие молоточки. Ив беспомощно озирался по сторонам.

- Нет.

Молоточки остановились. Стало легко и спокойно. Человек растерянно и неприятно улыбнулся.

- Ив! Где же ты?! – По поляне спешила Мари. Вздываясь и опускаясь, спинку стегали тонкие белокурые косички.

Секунду Ив и человек молча смотрели на приближающуюся девочку. Человек вскинул ружье. Ив повис на его руке и тут же свалился, получив удар в живот.

- За что?! – звонко воскликнули сзади.

Запела музыка.

Ив открыл набухшие, враз отяжелевшие веки. С другой стороны холма к ним не спеша спускался Портефекс. Кажется, охотник, поднимая ружье, тоже смотрел в его сторону. И тут возник Водевиль. Охотник перевел трясущееся ружье на него. Ив рванулся человеку под ноги, но поздно. Пронзительной нотой взвизгнула музыка и оборвалась. Вскрикнула, подлетая к брату, Мари. Удушливо пахнуло порохом.

- Вы топчете ландыши и сами режете овец. Вы извращаете веру и бьете детей. Вы объединяете людей, чтобы убивать людей. Так за что? – Портефекс сидел на коленях, руками обхватив шею мертвого Водевиля.

Человек устало глядел на Портефекса.

- За то, что его не должно быть, – ответил он, перекидывая ружье за спину.
- Кого?
- Водевиля.
- Но Водевиль – это я.

С этими словами Портефекс бросился на охотника.

Когда Ив и Мари очнулись, на поляне не было, кроме них, ни души. Только на прогнившем пеньке лежала сломанная пополам дудочка. Дети подняли ее, перевязали травинками и положили обратно.

